

Процесс всеобщей гармонизации частного права и региональная экономическая интеграция: общий обзор

Юрген Базедов*

1. ВСТУПЛЕНИЕ

Амстердамский договор 1997 г. наделил Европейское Сообщество (ЕС) компетенцией гармонизировать международное частное право (МЧП). И вскоре профессор Стрюйкен (Struycken), председатель Государственного комитета Нидерландов по МЧП – органа, играющего руководящую роль в системе Гаагской конференции по международному частному праву, охарактеризовал эту новую компетенцию ЕС как угрозу Гаагской конференции, предупредив о «нависшей над Гаагой тенью Брюсселя»¹. Сделанное позднее заявление Генерального секретаря УНИДРУА (UNIDROIT) Герберта Кронке (Herbert Kronke) звучит более оптимистично и беспристрастно. В нем подчеркивается, что мы еще мало знаем о взаимосвязи между универсальной гармонизацией частного права и сближением национальных законов на региональном уровне². Обе точки зрения, однако, отражают все возрастающую озабоченность в связи с конфликтами между мерами по региональной и универсальной гармонизации. Поскольку эти конфликты объясняются часто случайными и разнородными наблюдениями, касающимися сути взаимосвязи региональной и всеобщей гармонизации, представляется целесообразным более тщательно рассмотреть ее историческую эволюцию и те формы, которые она принимает (раздел II). Будут

---

* Базедов Юрген – Директор Института Макса Планка иностранного частного и международного частного права в Гамбурге (Германия). Данный доклад был сделан на Конгрессе, посвященном 75-й годовщине Международного института унификации частного права (УНИДРУА), который проходил в Риме (Италия) в Университете Pontificia Universita Urbana 27-28 сентября 2002 г.

¹ A.V.M. Struycken, “Het Verdrag van Amsterdam en de Haagse Conferentie voor internationaal privaatrecht – Brusselse schaduwen over Den Haag”, Weekblad voor privaatrecht, notariaat en registratie, 2000, 735.

² Herbert Kronke, “Ziele-Methoden, Kosten-Nutzen: Perspektiven der Privatrechtsharmonisierung nach 75 Jahren UNIDROIT”, Juristen Zeitung, 2001. P. 1149, 1155.

даны и некоторые практические примеры, служащие иллюстрацией конфликтов, существующих в рассматриваемой области (раздел III). А следующий за этим раздел будет посвящен анализу некоторых проблем, вызываемых такими конфликтами на стадии разработки заключения международных договоров (раздел IV). В заключение будут прокомментированы конфликты, возникающие на стадии судебного разбирательства (раздел V).

II. ЭВОЛЮЦИЯ УНИВЕРСАЛИЗМА И РЕГИОНАЛИЗМА

Связи между государствами на региональном уровне иногда более тесные, чем на мировом. Как следствие, с самого начала процесса унификации частного права во второй половине XIX века не прекращаются споры о том, следует ли решать определенные вопросы на глобальном или скорее на региональном уровне. В данном историческом обзоре выделяются три этапа развития правовой унификации: первый можно определить как скрытый регионализм, второй – как подъем универсализма и третий – как «зарю» межрегионализма.

1. Первый этап: скрытый регионализм

На первый взгляд кажется, что сосуществование двух разновидностей унификации права на региональном и на глобальном уровнях имеет под собой давнюю традицию, восходящую ко второй половине XIX века. На самом деле первыми странами, вступившими на путь унификации частного права, и в частности МЧП, были некоторые латиноамериканские страны, которые заключили в 1878 г. Лимский договор. Он содержал достаточно полную международно-правовую кодификацию в сфере частного права, гражданского процесса и уголовного права. В 1889 г. на конгрессе в Монтевидео было одобрено не менее восьми конвенций, в которых среди прочего регулировались вопросы международного частного права, гражданского процесса, авторского права, права на патенты и торговые марки. В то время как эти договоры в области коллизионного права предшествовали принятию аналогичных гаагских конвенций несколькими годами позже, правовые механизмы, регулирующие вопросы интеллектуальной и промышленной собственности, скорее, дублировали заключенные ранее в Париже (1883 г.) и Берне (1886 г.) европейские конвенции³.

---

³Более подробно об этом см. у J. Smatleben, *Internationales Privatrecht in Lateinamerika*, Mohr (Tuebingen) 1979.S. 11, 15.

В контексте данного доклада важно упомянуть об отказе в те годы некоторых латиноамериканских стран участвовать в европейских конгрессах по всеобщей унификации права. Это нежелание объясняется их опасением, что данный процесс ущемит суверенитет, а также подрвет принципы национального законодательства⁴. Их позиция оказала сильное влияние на институты, созданные в Европе для содействия процессу унификации частного права. Несмотря на провозглашенный универсальный характер деятельности таких институтов, как Гаагская конференция по международному частному праву или Международный институт по унификации частного права (УНИДРУА), она в течение долгого времени ограничивалась Европой. Их претензии на всеобщность⁵ не могли реализоваться до тех пор, пока США и другие страны западного полушария не присоединились к ним после второй мировой войны⁶. До тех пор государства и из других частей света также не вносили своего вклада в работу этих институтов⁷. Таким образом, можно констатировать, что на протяжении всей своей 125-летней истории процесс унификации частного права скорее характеризовался двойственной природой региональной гармонизации, одна сторона которой не зависела от другой (одна развивалась в Европе, другая – на американском континенте) а не открытой конфронтацией между якобы всемирной, но на самом деле европейской гармонизацией и региональными усилиями в западном полушарии.

Эти замечания могут показаться чересчур упрощенными, но они в целом подтверждаются, если более пристально рассмотреть предвоенные ратификации некоторых ранних конвенций по унификации материального права и присоединения к ним. В 1940 г. Парижская конвенция 1883 г. по охране промышленной собственности действовала в 32 государствах, 21 из которых находилось в Европе⁸. Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений

---

⁴ Там же. С. 13.

⁵ См. Jan Kropholler, Internationales Einheitsrecht, Mohr (Tuebingen), 1975. P. 43, 57, 59.

⁶ США присоединились к Гаагской конференции в 1964 г., Аргентина и Бразилия – в 1972 г. и т.д. В 1964 г. США вступили также в УНИДРУА. См.: Крoпхоллер. Там же. С. 57.

⁷ Первым неевропейским государством, начавшим участвовать в работе Гаагской конференции, стала Япония в 1904 г. когда в 1951 г. Гаагская конференция была реорганизована Япония все еще была единственной неевропейской страной среди ее участников. См.: Hans Arnold, Japan und die Haager Konferenz fuer IPR, Juristen Zeitung, 1971. P. 19-21. Список стран-учредителей см. в Bundesgesetzblatt, 1959. II, 981.

⁸ См.: Reichsgesetzblatt (RGBI) 1903. P. 147. См. статус на сайте <http://www.wipo.int/treaties/ip/paris/index.html>.

(с поправками) 1886 г. была ратифицирована и принята 26 странами, и только 7 из них находились за пределами Европы⁹. Варшавская конвенция для унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок 1929 г., действует в 27 странах, из них в Европе находятся 21, а за ее пределами – только шесть¹⁰. Единственным исключением является Международная конвенция об унификации некоторых правил о коносаменте (автор называет ее Гаагские правила по коносаментам. – Прим. пер.) 1924 г.; в 1940 г. 30 из 48 подписавших их государств были не европейскими. Тем не менее это исключение совсем не является доказательством существования в то время всемирной унификации частного права, поскольку подавляющее большинство из этих 30 неевропейских государств были колониями или другими зависимыми территориями, на которые Великобритания и Франция распространяли действие Правил¹¹. Сказанное относится к сферам глобального применения права, а не к таким, как, например, автотдорожный транспорт, которые в силу самой их природы не требуют унификации за пределами своего континента¹². Приведенные данные также свидетельствуют в пользу той точки зрения, что на протяжении первого этапа унификация частного права носила в основном региональный характер.

2. Второй этап: подъем универсализма

Ситуация изменилась после второй мировой войны и особенно в 70-е годы прошлого века. Причины зарождения универсализма многогранны: снижение влияния европейских государств на мировом уровне и соответственно рост влияния государств иных регионов; появление множества новых независимых стран, стремящихся к созданию собственных правовых систем для того, чтобы на равноправной основе участвовать в международных отношениях; растущие разногласия

---

⁹ См.: RGBl. 1887, 493. Сайт <<http://www.wipo.int/treaties/ip/berne/index.html>>.

¹⁰ См.: RGBl. 1933, 1039. Сайт <http://www.icao.int/cgi/goto_leb.pl?icao/en/leb/treaty.htm>.

¹¹ См.: RGBl. 1939, 1048. Сайт <<http://www.comitemaritime.org/ratific/brus/bru05.html>>.

¹² В отношении автотранспорта в Европе и в Западном полушарии существуют 2 разные конвенции: Женевская Конвенция о договоре международной дорожной перевозки грузов от 19 мая 1956 г., к которой фактически присоединились все европейские и некоторые соседние страны (см. сайт <http://untreaty.un.org>), и Межамериканская конвенция по договорам о международных перевозках грузов автотранспортом, подписанная в Монтевидео 15 июля 1989 г., которая еще не вступила в силу. *RabelsZ*, 1992. С. 56, 170-175.

между Востоком и Западом и, как следствие этого, усиление лоббизма в международных организациях со стороны представителей обеих противоборствующих сил; существенное улучшение сети международных транспортных артерий и каналов связи, что обеспечило беспрецедентный рост международного обмена и торговли, повлекший за собой необходимость координации и гармонизации правовых систем на мировом уровне и т.д. и т.п.

Есть несколько свидетельств, указывающих на рост универалистских тенденций в области частного права: создание в системе ООН ряда институтов, призванных решать глобальные задачи, таких как Международная морская организация, Международная организация по гражданской авиации, Конференция ООН по торговле и развитию и т.п.; создание Комиссии ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) в качестве автономной неполитической организации при Генеральной ассамблее ООН, занимающейся совершенствованием международного предпринимательского права; присоединение США и других американских государств, а также стран Азии и Африки к уже существующим институтам, в частности к Гаагской конференции по МЧП и к УНИДРУА. Оба этих института попытались избавиться от когда-то присущих им европоцентристских тенденций и добились в этом определенных успехов¹³.

В том что касается международных договоров, можно сделать два замечания в отношении второго этапа унификации частного права: во-первых, количество ратификаций и присоединений к некоторым из уже существовавших международных конвенций значительно возросло, придав им, таким образом, поистине всемирный характер. Так, количество стран – участниц вышеперечисленных конвенций по интеллектуальной собственности, морскому и воздушному транспорту перевалило далеко за сотню¹⁴. Во-вторых, были подписаны некоторые новые конвенции, которые также могут похвастаться всемирным одобрением, в частности, Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. является первым примером успешной унификации основных институтов материального частного права¹⁵.

---

¹³О Гаагской конференции см.: J. Basedow, "Was wird aus der Haager Konferenz fuer Internationales Privatrecht?" in Festschrift fuer Werner Lorenz zum 80 Geburtstag, Sellier, Muenchen 2001. P. 463, 467, 475.

¹⁴См. выше сноски 8-11.

¹⁵United Nations Convention on Contracts for the International Sales of Goods (CISG) заключена в Вене 11.04.1980. BGBl, 1989. II, 586. О настоящем статусе см. сайт <http://www.untreaty.un.org>.

В то же время подъем универсализма привлек внимание к потенциальным конфликтам, которые могут иметь место между универсальными, региональными и двусторонними конвенциями. Эти проблемы стали не только предметом тщательного научного анализа¹⁶, но и способствовали разработке ряда оговорок, зафиксированных в недавно заключенных договорах. Цель этих оговорок – «примирить» конфликтующие между собой конвенции, отдавая приоритет таким юридическим принципам, как *lex posterior*, *lex prior*, *lex speciales* или *lex fovarabilior*. Однако даже включение подобных оговорок в текст договора (не говоря уже об их отсутствии), не всегда помогает найти нужное решение. Следует отметить, что возникающие в данной связи проблемы не ограничиваются конфликтом между универсальными и региональными конвенциями, и потому детально в данном контексте они рассматриваться не будут.

3. Третий этап: заря межрегионализма

Третий этап международной унификации права был вызван к жизни изменениями в современной практике международных отношений – на мировой арене появились «новые игроки». Возникшие в последнее время региональные организации начали использовать законодательные процедуры для ускорения процесса унификации в своих регионах. Так, например, «МЕРКОСУР» (MERCOSUR) в Южной Америке безоговорочно выступает за принятие единообразных правовых актов¹⁷. То же самое, и даже в большей степени, относится и к африканской Организации по гармонизации предпринимательского права (OHADA), Совет министров которой был единогласно уполномочен разработать и утвердить единообразные правовые акты, имеющие силу во всех странах – участницах этой организации, причем без какой-либо предварительной ратификации на национальном уровне¹⁸. В то время как эти институциональные нововведения способствуют становлению регионального права, они обычно не ущемляют национального суверенитета как высшего источника национального законодательства и права стран-участниц вступать в переговоры и заключать междуна-

¹⁶ Ferenc Majoros, *Les conventions internationales en matiere de droit prive*, vols. I, II. Pedone, Paris 1980, id. "Konflikte zwischen Staatsvertraegen auf dem Gebiet des Privatrechts", *RabelsZ*, 1982. 46, 84 seq.

¹⁷ См.: U. Wehner, "Der Mercosur", *Nomos* (Baden-Baden), 1999.

¹⁸ См.: Issa-Sayegh, "Quelques aspects techniques de l'integration juridique: l'exemple des actes uniformes de l'OHADA": *Unif.L.Rev.dr.unif.* 1999. 5 seq.

родные договоры. Конфликты между региональными и существующими универсальными международными договорами не многим отличаются, таким образом, от традиционных конфликтов между различными конвенциями.

Ситуация с Европейским сообществом совершенно иная. С первого взгляда на ее обширное законодательство в области частного права¹⁹ может показаться, что ЕС является иным и более эффективным средством осуществления унификации, или гармонизации, права. Действительно, существует множество аргументов в пользу того мнения, что Сообщество достигло значимых успехов в осуществлении гармонизации в тех областях, где все предыдущие попытки добиться выполнения международных договоров терпели провал. Но, однако, еще более важно с точки зрения глобальной унификации права то, что ЕС, помимо этих законотворческих механизмов, наделено еще и правосубъектностью (ст. 281 Договора о ЕС), а некоторые положения учредительного Договора, такие как ст. 310, наделяют его правом заключать международные соглашения с одним или несколькими государствами или международными организациями. Суд ЕС даже расширил его договорную правоспособность, признав за ним и так называемую «подразумеваемую» (implied) компетенцию. В настоящее время не подлежит сомнению, что Сообщество вправе заключать международные договоры и соглашения даже несмотря на отсутствие в учредительном Договоре прямо выраженного на то указания при условии, что оно наделено внутренней правотворческой компетенцией в данной сфере²⁰. Детали этих полномочий до сих пор дискутируются, но все согласны с тем, что Сообщество обладает внешней компетенцией, являющейся продолжением его соответствующей внутренней правотворческой компетенции, при условии, что эта последняя уже реализована в данной сфере, а договор, заключенный с третьей страной, может повлиять на осуществление действующего права ЕС. В зависимости от конкретных обстоятельств эта внешняя компетенция ЕС может быть даже исключена из внешней компетенции индивидуальных государств-членов²¹.

---

¹⁹ См.: J. Basedow (ed) *European Private Law – Sources*, vols. 1-3, (1999, 2000 and 2002)

²⁰ European Court of Justice, Judgment of 31st March 1971, case 22/70 (AETR-EART), 1971, *European Court Reports* 263, para 15/19.

²¹ См. подробнее у T. Hartley, *The Foundations of European Community Law*, 4 ed., Oxford University Press, Oxford, 1998, 157 seq.

Отсюда следует, что Европейское Сообщество фактически стало новым «переговорщиком» на арене экономической дипломатии, где обсуждаются и заключаются договоры, особенно универсальные договоры об унификации частного права. Растущий объем внутреннего (вторичного) законодательства ЕС в сфере частного права сопровождается одновременно расширением объема его внешней компетенции. Поскольку число европейских стран, всегда и в прошлом выступавших за унификацию частного права, было значительным, их обязательства согласно праву ЕС – которые могут заходить столь далеко, что заставляют государства-члены воздерживаться от участия в международных переговорах, – свидетельствуют о новых решительных шагах на пути унификации частного права. Организации из других регионов мира, наверное, могут в будущем последовать примеру ЕС, и это изменит всю институциональную структуру международных переговоров, превратив их в межрегиональные. Но на сегодняшний день Европейское Сообщество является единственной организацией, которая обладает компетенцией вести международные переговоры и с которой поэтому должны считаться и государства, и международные организации, заинтересованные в унификации частного права.

Суммируя вышесказанное, можно констатировать следующее: потребность в гармонизации частного права всегда острее ощущается в тех регионах, где межрегиональный торговый обмен и социальные контакты отличаются особой интенсивностью. Всемирная унификация в течение многих лет была лишь своего рода неким случайным спутником этой потребности. Однако после второй мировой войны стремление к всемирной унификации существенно возросло, и теперь возникает все больше и больше инициатив поистине глобального масштаба. Экономический и технический прогресс, породивший глобализацию²², гарантирует непрерывность этого процесса. Тем не менее гармонизация права во всемирном масштабе требует времени и должна учитывать самые разнообразные интересы. Поэтому постоянное и даже возросшее стремление к региональной гармонизации все чаще и чаще будет удовлетворяться эффективными законодательными процедурами, своего рода «ускоренной» (fast-track) гармонизацией на региональном уровне. Как следствие этого, рано или поздно возникнут межрегиональные конфликты, которые могут быть урегулированы

---

²²См.: J. Basedow, “The effects of globalization on private international law”, J. Basedow, Toshiyuki Kono, Legal Aspects of Globalization, Kluwer (The Hague) 2000. P. 1, 2-4.

посредством межрегиональной гармонизации. Имеющийся у Европейского Сообщества мандат на ведение переговоров и заключение международных договоров со всеми третьими странами и международными организациями является первым шагом в этом направлении.

III. ПРИМЕРЫ

Теоретические соображения, приведенные выше, могут быть проиллюстрированы на следующих примерах конфликтных ситуаций. Все конфликты можно подразделить на 3 вида: традиционные конфликты между (межрегиональными и универсальными) конвенциями, конфликты между региональным «ускоренным» (fast-track) законодательством и международными договорами и конфликты между наднациональными региональными договорами и международными конвенциями. Более тщательное рассмотрение покажет, что конфликты второго типа эквивалентны либо конфликтам первого типа, либо – третьего.

1. Традиционные конфликты между конвенциями

Традиционный конфликт между конвенциями нашел свое яркое выражение в сосуществовании в сфере арбитража (Всемирной) Конвенции (ООН) о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г.²³ и двух межамериканских Конвенций – одна о международном коммерческом арбитраже 1975 г. (Панамская конвенция)²⁴, вторая – об экстерриториальном действии решений иностранных судов и арбитражей 1979 г.²⁵ Хотя конфликты между Панамской конвенцией и Конвенцией ООН достаточно малочисленны, они обычно решаются на основе принципа *lex specialis*, то есть приоритет отдается региональной конвенции²⁶.

Более сложная ситуация возникает, когда речь идет о конфликтах между Конвенцией, заключенной в Монтевидео, и Конвенцией ООН.

²³ Заключена в Нью-Йорке 10.06.1958, United Nations Treaty Series, 330, 3 – BGFI, 1961. II, 122.

²⁴ Заключена в Панама Сити 30.01.1975, OAS, Treaty Series 42, о статусе см. сайт <http://www.oas.org/juridico/english/signs/b-35.html>.

²⁵ Заключена в Монтевидео 08.05.1979, OAS, Treaty Series 51, о статусе см. сайт <http://www.oas.org/juridico/english/signs/b-41.html>.

²⁶ См. Jan Kleinheisterkamp, “Conflict of Treaties on International arbitration in the Southern Cone”, in Jan Kleinheisterkamp / Gonzalo L. Idiarte (eds), *Avances del derecho internacional privado – Liber Amicorum Juergen Samtleben*, Fundacion de cultura universitaria (Montevideo), 2002, 667, 678. A.J. van den Berg, *The New York Arbitration Convention*, 1958, Kluwer (Deventer) 1981. P. 103.

Некоторые авторы склоняются в пользу применения Конвенции ООН на основе действия принципа *lex posterior* в таких странах, как Аргентина, Уругвай и Парагвай, которые ратифицировали эту конвенцию уже после заключения конвенции в Монтевидео²⁷. Но такая хронология событий может быть случайной, и, соответственно, толкование принципа *lex posterior* в зависимости от времени ратификации или присоединения к той или иной конвенции выглядит достаточно искусственным. В отношении конвенций, регулирующих международные споры по гражданским делам или об арбитраже, необходимо руководствоваться более существенными критериями, а именно: не забывать, что целью таких конвенций является содействие координации между различными правовыми системами, и, следовательно, предпочтение должно быть отдано принципу максимальной эффективности (*lex favorabilior*). Применение именно этого принципа прямо предписывается законодательством Боливии в том, что касается исполнения Конвенции 1979 г., заключенной в Монтевидео²⁸. Каков бы ни был окончательный результат, возникающие в рассматриваемом контексте проблемы носят вполне традиционный характер. Они порождаются взаимными обязательствами государств – участников двух или более международных договоров, потенциальные сферы действия которых частично совпадают друг с другом. Конфликты такого рода характерны для второго этапа процесса унификации частного права, то есть возрастания универсализма.

2. Региональное «ускоренное» (fast-track) законодательство и международные конвенции

А) МЕРКОСУР. В 1991 г. Аргентина, Бразилия, Парагвай и Уругвай заключили в Асунсьоне Договор об Общем рынке Южной Америки (MERCOSUR)²⁹. Взяв за образец модель Европейского Союза, 4 государства создали институциональную структуру, цель которой – ускорение интеграции и экономического роста. Этот договор вызвал к жизни множество инициатив по унификации законов в разных сферах, в частности в сфере арбитража. В числе разнообразных мер, одобренных Протоколом, подписанным в 1992 г. в Лас Леньясе, было решение

---

²⁷ Jan Kleinheisterkamp. Там же. С. 686.

²⁸ Там же. С. 687.

²⁹ Tratado para la Constitucion de un Mercado Comun en la Ciudad de Asuncion el 26 Marzo 1991. См. сноски 17.

Совета МЕРКОСУР № 5/92, которое содержало Протокол о сотрудничестве и правовой помощи по гражданским, торговым, трудовым и административным делам, включая признание арбитражных решений³⁰. Отношения между этим документом и заключенными ранее международными договорами как на региональном, так и на мировом уровне не могут не вызывать новых вопросов³¹, которые могут оказаться абсолютно новыми, поскольку этот документ МЕРКОСУР определяется как «решение», а не как другая конвенция. Тем не менее терминология МЕРКОСУР, в которой слышится отзвук наднационального законодательства Европейского Сообщества, вводит в заблуждение. Во-первых, акты вторичного законодательства МЕРКОСУР, такие как решения, обычно должны быть инкорпорированы в национальное законодательство прежде, чем они вступят в силу³². Во-вторых, фактически Решение 5/92 представляет собой Протокол, который даже должен быть ратифицирован государствами-членами и поэтому мало чем отличается от традиционных конвенций³³. Следовательно, конфликты между такими актами и традиционными конвенциями не представляют собой никакой новой проблемы.

Б) ОХАДА (OHADA – Organisation for the Harmonisation of Business Law in Africa). В отношении единообразных (**uniform**) актов, принятых Организацией по гармонизации предпринимательского права (**business law**) в Африке (ОХАДА), ситуация выглядит иной. Одним из достижений этой организации является Единообразный Акт об общем торговом праве, Пятый раздел которого посвящен регулированию коммерческих сделок. Его нормы в ряде случаев отличаются от соответствующих норм Венской конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров. Так, например, в отличие от положений ст. 50 Венской конвенции, покупатель некондиционного товара не имеет права снизить на него цену в соответствии со ст. 249 и следующей Единообразного Акта, а по ст. 254 этого Акта расторгнуть контракт можно только в судебном порядке, а не посредством заявления покупателя, как это предусматривается ст. 49 Венской конвенции. И нако-

³⁰ Protocolo de Cooperacion y Asistencia Jurisdiccional en Materia Civil, Comercial, Laboral y Administrativa, hecho en el Valle de Las Lenas el 27 junio 1992. См. сноску 17.

³¹ См. сноску 26 – Jan Kleinheisterkamp. С. 688 и след.

³² См.: J. Samtleben, “Der MERCOSUR als Rechssystem” in J. Basedow / J. Samtleben (eds) Wirtschaftsrecht des MERCOSUR – Horizont 2000, Nomos (Baden-Baden), 2001. P. 51, 69.

³³ См. ст. 33 Решения 5/92, сноска 30.

нец, Единообразный Акт замещает национальные законы по купле-продаже, и его применения нельзя исключить путем включения соответствующих оговорок в контракты, а ст. 6 Венской конвенции, наоборот, прямо допускает такие контрактные оговорки, исключаящие применение Конвенции ООН³⁴.

Такие конфликты, касающиеся содержания, поднимают вопрос о сфере применения противоречащих друг другу документов. Статьи с 202 по 205 Акта имеют дело лишь с предметом сделок по купле-продаже раздела Y, который в целом совпадает с предметом регулирования Венской конвенции. Пространственная сфера применения Единообразного Акта зависит от того, имеет ли коммерсант – физическое или юридическое лицо – свое предприятие на территории одного из государств – участников ОХАДА (см. ст. 1). Значение этого условия для применения норм, регулирующих коммерческие контракты, не совсем ясно, но представляется, что продавец с предприятием в Республике Гвинея, которая является участником как Венской конвенции, так и ОХАДА³⁵, подпадает под действие обеих конвенций, по крайней мере в том, что касается сделок с другими франкоговорящими африканскими странами. Венская конвенция будет применяться в силу ее ст. 1(1)(б) как право страны-продавца, а Единообразный Акт ОХАДА об общем торговом праве будет распространяться на эти сделки в соответствии с его ст. 1 и в силу провозглашенной им цели объединить торговое право всех государств – участников ОХАДА. Этот конфликт может быть улажен на основе ст. 90 Венской конвенции в пользу Единообразного Акта, который можно рассматривать как «соглашение» для целей данной статьи.

А как быть со сделкой между продавцом из Гвинеи и покупателем из страны, не являющейся участником ОХАДА? В этом случае также могут применяться оба документа. Вопрос о таких конфликтах не решен непосредственно. Об их урегулировании можно судить на основании ст. 10 учредительного Договора об ОХАДА, которая наделяет единообразные акты прямым действием и приоритетом относительно предыдущих или последующих актов *внутреннего национального права*. Но неясно, распространяются ли положения этой статьи на конф-

---

³⁴ Jean-rene Gomez, "Un nouveau droit de la vente commerciale en Afrique", Recueil Penant, 1998. P. 145, 147.

³⁵ О статусе Единообразного Акта ОХАДА см. ее сайт, сноска 18, сайт Венской конвенции – сноска 15.

ликты между единообразными актами и другими международными обязательствами отдельных государств-участников. Если нет, то указанный выше конфликт в общем не будет сильно отличаться от традиционного конфликта между конвенциями.

Так же, как и в случае традиционных конфликтов, участниками здесь являются государства, а основное отличие от конфликтов, рассмотренных выше, заключается в том, что единообразные акты ОХАДА принимаются на основе «ускоренной» (fast-track) процедуры, т.е. единогласным решением Совета министров, и вступают в силу без всякой ратификации, которая необходима на национальном уровне. Вряд ли можно сказать, что здесь речь идет о передаче суверенитета³⁶. Скорее, это можно рассматривать как наделение национальных правительств законодательными полномочиями, не подлежащими контролю со стороны национальных институтов, и в частности национальных парламентов. В последнем случае единообразные акты вряд ли значительно отличаются от международных соглашений. Следовательно, при разрешении конфликта между Единообразным Актом ОХАДА и Венской конвенцией, вероятно, следует руководствоваться теми же общими принципами, которые были упомянуты выше в связи с традиционными конфликтами между конвенциями, до тех пор, пока Общій суд и Арбитраж ОХАДА не вынесет решения в отношении действительного значения ст. 10 Договора об ОХАДА. Постановление этого суда, что единообразные акты в соответствии со ст. 10 учредительного Договора об ОХАДА имеют приоритет над международными конвенциями, сторонами которых являются ее отдельные государства-участники, изменило бы, однако, сложившуюся ситуацию. Она бы тогда стала значительно ближе к ситуации с гармонизацией права, которая уже существует в Европе.

3. Наднациональные региональные акты ЕС и международные конвенции

А) Право Европейского Сообщества и Конвенции об унифицированном праве. Показателем новых по своему характеру отношений между региональными и всеобщими (универсальными) договорами являются некоторые законодательные акты Европейского Сообщества последнего времени. Они могут принимать различные формы и либо соответствовать международным конвенциям, либо вступать в противоре-

³⁶См. сноску 18.

чие с ними. В некоторых случаях, как, например, во время подготовки директивы о торговле потребительскими товарами³⁷, Европейская комиссия взяла за образец международную конвенцию, подобную Венской³⁸. Стремление к международной гармонии за пределами Сообщества может оказаться достаточно сильным побудительным мотивом для того, чтобы заставить акты ЕС излишне часто оглядываться на международные договоры и почти дословно копировать их тексты. Это относится, в частности, к директиве Сообщества об автоперевозках опасных грузов³⁹, которая фактически распространяет сферу действия прежней европейской конвенции по данному вопросу⁴⁰ на внутренние перевозки государств – членов ЕС. В других случаях Сообщество может также, приняв соответствующие законодательные акты, побудить государства-члены ратифицировать международные договоры. Подобная ситуация имела место в отношении некоторых договоров по морским перевозкам⁴¹. В то время как в приведенных выше примерах Сообщество, скорее, поддерживает и утверждает принципы, выраженные в международных конвенциях, в отношении других международных актов, вступающих в конфликт с правом и политикой Сообщества, могут возникнуть проблемы. Например, нормы, касающиеся юрисдикции, признания и приведения в исполнение судебных решений, которые содержатся во многих конвенциях по МЧП. Хотя подобные нормы представляются необходимым дополнением к механизму регулирования международных обязательств, они всегда будут частично накладываться (*overlap*) на аналогичное регулирование, детально разработанное в Сообществе⁴².

---

³⁷ Directive (1999/44/EC) of the European Parliament and the Council of 25.05.1999 on Certain Aspects of the sales of Consumer goods and associated Guarantees, Official Journal of the European Communities (OJEC), 1999 L 171/12/.

³⁸ См.: Dirk Staudenmeyer, “Die EG-Richtlinie ueber den Verbrauchsgueterkauf”, Neue Juristische Wochenschrift, 1999, 2393. Этот автор принимал участие в подготовке данной директивы.

³⁹ Council Directive 94/55/EC of 21.11.1994 on the Approximation of the Laws of the Member States with regard to the Transport of Dangerous Goods by Road, OJEC, 1994. L 319/7.

⁴⁰ European Agreement Concerning the International Carriage of Dangerous Goods by Road (ADR) заключен в Женеве 30.09.1957, BGBl, 1969. II, 1489.

⁴¹ Ст. 3 Решения Совета (2002/762/EC) от 19.02.2002 разрешила государствам-членам в интересах Сообщества подписывать, ратифицировать или присоединяться к Международной конвенции о гражданской ответственности за загрязнения, причиненные при перевозке нефти в танкерах 2002, (Bunker Convention), OJEC, 2002. L 256/7.

⁴² Council Regulation 44/2001/EC of 22.12.2000 on Jurisdiction and the Recognition and Enforcement of Judgments in Civil and Commercial Matters, OJEC, 2001. L 12/1.

Ввиду приоритета права Сообщества над национальным правом, включая международные обязательства государств-членов⁴³, конфликты, возникающие из такого наложения, должны находить свое разрешение в том, чтобы международный договор не потерял своей практической значимости. До сих пор рассматривались два варианта решения таких конфликтов. Во-первых, Сообщество может оставить весь переговорный процесс на усмотрение государств-членов и ограничиться принятием законодательных актов, которые создадут условия для последующей ратификации международного договора государствами-членами «в интересах Европейского Сообщества» (такой вариант был выбран в отношении Гаагской конвенции об опеке 1996 г.⁴⁴ и Международной конвенции о гражданской ответственности за загрязнения, причиненные при перевозке нефти танкерами, 2001 г.)⁴⁵. Во-вторых, Сообщество может также присоединиться к переговорному процессу и попытаться привести содержание международного договора в соответствие с собственным правом и политикой, прежде чем фактически стать участником нового договора (этот путь был предусмотрен соответствующими оговорками о ратификации и присоединении к Всемирной Конвенции об авторском праве 1996 г.⁴⁶, Монреальской конвенции о международных авиаперевозках 1999 г.⁴⁷ и в недавней Конвенции УНИДРУА о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования, заключенной в Кейптауне в 2001 г.)⁴⁸. Легко увидеть, что первый вариант является рискованным для международного сообщества. Оно будет вести переговоры о заключении договора с отдельными государствами – членами Европейского Сообщества, возможно, действующими *ultra vires*. Однако это не будет ясно на момент переговоров. Таким образом, договор может содержать обязательства государств – членов ЕС, которые они будут не в состоянии выполнить

⁴³См. Hartley, С. 178-180, 218. Сноска 21.

⁴⁴См. The Proposal for a Council decision authorising the Member States to sign in the interest of the EC the Convention on Jurisdiction, Applicable Law, recognition, Enforcement and Cooperation in respect of Parental Responsibility and Measures for the Protection of Children (the 1997 Hague Convention) COM 2001, 680 final of 20.11.2001.

⁴⁵См. сноски 41.

⁴⁶Art. 17 (2, 3) of the World Intellectual Property Organization Treaty, Geneva 20.12.1996, OJEC 2000. L 89/8.

⁴⁷Art. 53 (2) of the Convention for the Unification of Certain Rules for International Carriage by Air, Montreal, 28 May 1999, OJEC 2000. L 194/38.

⁴⁸Art. 48 of the Convention on International Interests in Mobile Equipment, Cape Town, 16.11.2001.

из-за последующих правовых актов Европейского Сообщества. Отсюда следует, что международное сообщество должно быть заинтересовано в выборе второго варианта, т.е. участия ЕС как такового в международных переговорах, чтобы обязательства, принятые на дипломатических конференциях, не квалифицировались внутренним законодательством на более поздней стадии.

Б) *Пример: ответственность авиаперевозчика.* Самым ярким примером такой квалификации является принятие Регламента ЕС № 2027/97 об ответственности авиаперевозчика при несчастных случаях⁴⁹. Хорошо известно, что пределы ответственности, установленные Варшавской конвенцией 1929 г.⁵⁰, давно устарели. За исключением Гаагского протокола 1955 г.⁵¹, все попытки расширить эти пределы с тем, чтобы они соответствовали современным экономическим и социальным стандартам, неизбежно проваливались. В этих условиях Сообщество приняло Регламент 2027/97 об установлении временного режима ответственности, который должен был действовать до вступления в силу нового современного международно признанного режима ответственности. Регламент в основном лишает авиаперевозчиков Сообщества привилегии ограничивать свою ответственность, но разрешает им самим делать это в пределах 100 000 специальных прав заимствования (SDR), если им удастся доказать, что ими были приняты все необходимые меры, чтобы избежать нанесения ущерба или что принятие таких мер было для них совершенно невозможно, т.е. в случае строгой ответственности (без вины).

Международная Ассоциация Авиатранспорта (IATA) оспорила в английском Высоком суде Правосудия действительность предписания (Order), изданного правительством Великобритании во исполнение Регламента 202/97. Истец утверждал, что этот регламент не имеет силы, поскольку заставляет государства-члены действовать вопреки взятым на себя обязательствам по Варшавской конвенции. Суд постановил, что согласно Варшавской конвенции ее государства-участники не могут обязывать своих авиаперевозчиков брать на себя ответственность, превышающую пределы установленной ею ответственности

⁴⁹ Council Regulation 2027/97/EC of 09.10.1997 on Air Carrier Liability in the event of accidents, OJEC, 1997. L 285/1.

⁵⁰ См. сноску 10.

⁵¹ Hague Protocol of 29 sept. 1955. BGBl. 1958. II, 293.

⁵² R. v. Secretary of State for the Environment, Transport and the Region, ex parte IATA no.2, (1999) 2 Common Market Law Reports. S. 1385, 1395. (Q.B.D.).

(по сумме), и что в силу этого регламент 2027/97 вступает в конфликт с Варшавской конвенцией⁵². Однако в своем тщательно обоснованном заключении судья, ссылаясь на практику Суда ЕС, постановил, что Регламент остается в силе. Его основной аргумент зиждился на ст. 307(2) ЕС (бывшей ст. 234(2)), согласно которой в случае, если предшествующие международные соглашения не соответствуют Договору о ЕС, «государства-члены, их заключившие, должны принять все необходимые меры для устранения такого несоответствия». Как указал довольно сведущий судья, это положение фактически предполагает действительность законодательных актов ЕС, несмотря на то, что они противоречат международным обязательствам государств-членов⁵³.

Это заключение было подвергнуто сомнению некоторыми специалистами⁵⁴. Но представляется, что оно вполне соответствует постоянной практике Суда ЕС. В результате подтверждается приоритет права Сообщества над конвенциями об унифицированном частном праве, даже если последние были заключены раньше Договора о ЕС. Об этом можно сожалеть, но в отсутствие авторитетного общепризнанного универсального механизма урегулирования споров, касающихся толкования конвенций по унификации права, мировое сообщество должно принять такую ситуацию как факт. Вместо того чтобы сетовать на низкий уровень унификации права, следовало бы подумать о принятии соответствующих мер, которые могли бы помочь сохранить или восстановить международный правопорядок.

IV. НЕКОТОРЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРОЦЕССА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА

Появление на международной арене новых участников, которые, хотя и не являются государствами, но могут оказывать сильное, а иногда и определяющее влияние на решение некоторых важных вопросов, рождает ряд проблем. Суть этих проблем заключается в необходимости включать новых участников в переговорный процесс, что в свою очередь заставляет мировое сообщество искать адекватный ответ на это.

⁵³ Там же С. 1399-1401.

⁵⁴ См. Lome S. Clark, "European Council Regulation (EC) № 2027/97: Will the Warsaw Convention Bite Back?", *Air & Space Law* 21, 2001, 137 seq.; Wolf Mueller-Rostin, "Auf dem Wege zu einem neuen Warschauer Abkommen?", *Transportrecht*, 1998, 229, 232, seq.; Michel Folliot, "La modernisation du systeme varsovien de responsabilite du transporteur", *Revue francaise de droit aerien*, 1999. P. 409, 416.

Использование соглашений в качестве координирующего механизма зависит от полномочий сторон выполнять договорные обязательства. С точки зрения международных отношений это означает, что международный договор, т.е. соглашение *между государствами*, основывается на постулате о принадлежности суверенной законодательной власти государству. Отсюда следует, что те государства, которые передали часть своих законодательных полномочий наднациональным организациям, становятся менее привлекательными в глазах мирового сообщества в качестве потенциальных партнеров по международным договорам. И наоборот, международные организации, которым передаются эти полномочия, приобретают большую значимость для третьих стран. Рано или поздно, но мировое сообщество настаивает на том, чтобы эти организации были интегрированы в процесс международного правотворчества. Это предполагает два изменения в существующей структуре системы международных отношений: во-первых, наднациональные организации, такие как Европейское Сообщество, должны быть интегрированы в ныне существующие международные правотворческие структуры, а во-вторых, они должны быть признаны в качестве участников международных конвенций.

1. Европейское Сообщество как член организаций по унификации права

В настоящее время многие структуры в сфере унифицированного права обычно приглашают представителей других региональных и универсальных организаций на заседания рабочих групп и дипломатические конференции в качестве наблюдателей при разработке международных конвенций. Это позволяет международным организациям обмениваться информацией и способствует координации их работы. Тем не менее роль наблюдателя в основном пассивна. И хотя наблюдатель может быть достаточно гибким, он не обладает правом вносить предложения или участвовать в голосовании по принятию окончательного текста документа. Такая роль не может удовлетворить участников – представителей Европейского Сообщества, особенно в тех сферах, где оно наделено собственной законодательной компетенцией.

Практическим результатом такой позиции наблюдателя является использование Сообществом своих прерогатив с тем, чтобы координировать негласно мнения и позиции своих государств-членов. Пред-

ставители третьих стран будут удивлены неожиданным единодушием во мнениях, высказываемых на переговорах, и их не особо обрадует тот факт, что эти мнения не могут меняться в открытых дискуссиях без дальнейшей закулисной координации⁵⁵. Открытое участие Европейского Сообщества в качестве полноправного члена в такой организации по унификации права в соответствующих переговорах отражало бы факт передачи государствами-членами своей внутренней законодательной компетенции в соответствующей сфере Сообществу и восстановило бы значимость таких переговоров.

Осуществление этого предложения столкнется, однако, с трудностями юридического характера, поскольку уставы большинства организаций по унификации права не допускают иных участников, кроме государств. Это относится, к примеру, к *Гаагской Конференции по международному частному праву*⁵⁶ или к различным специализированным учреждениям ООН типа Международной морской организации⁵⁷ или Международной организации гражданской авиации⁵⁸. Устав УНИДРУА представляется более гибким, говоря об участии и присоединении «правительств», а не «государств»⁵⁹. Такие словосочетания, как «корпоративное управление» или «управляющий совет», указывают на то, что термин «управление»⁶⁰ не обязательно связан с суверенным государством, но может относиться и к руководящим органам региональных организаций, интегрирующих экономику различных государств, таких как, например, Европейское Сообщество. С другой стороны, целью УНИДРУА является, среди прочего, «поэтапная подготовка принятия различными государствами унифицированных правовых норм», и остается неясным, относится ли это и к разработке документов, которые

---

⁵⁵См., например, весьма сдержанный отчет А. Фон Мерена о переговорах о всемирном признании Конвенции в Гааге: A.T. von Meren "The Hague Jurisdiction and Enforcement Convention Project Faces an Impasse – A Diagnosis and Guidelines for a Cure", *Praxis des internationalen Privat- und Verfahrensrechts (IPRax)*, 200, 465.

⁵⁶Statut de la Conference de la Haye de droit international prive, fait a La Haye le 23 Octobre 1951, UNTS 220, 121 – BCBI, 1959 II, 981 (Art.2).

⁵⁷Convention on the International Maritime Organisation, done on 6 March 1948; as amended, UNTS 289, 3; 607, 276; 649, 334 – BCBI, 1986 II, 423 (Art.4 seq).

⁵⁸Arts. 91-93 and Arts. 43 seq of the Convention on International Civil Aviation, done at Chicago on 7 December 1944, UNTS 15, at 295 – BCBI, 1956 II, 411.

⁵⁹Art. 2(2) and 20(1) of the Statute of UNIDROIT, dated 15 March 1940, *Vertragssammlung des Auswaertigen Amtes* 32 A, 441.

⁶⁰В английском языке "government" означает и «управление», и «правительство» (Прим. пер.).

должны быть приняты и организациями, подобными ЕС. Поэтому в свете региональной экономической интеграции время требует внести коррективы в уставы международных организаций.

Такая ревизия более чем необходима при принятии международных организаций в члены других международных организаций, поскольку это не может не отражаться на их основной структуре. До сих пор нормы, регулирующие членство и процедурные вопросы, определяются основным принципом суверенного равенства государств: все государства имеют равные права и равные обязанности. Это положение, несомненно, изменится, если Европейское сообщество станет членом УНИДРУА или Гаагской Конференции, т.к. государства – члены ЕС будут, хотя и косвенно, обладать большим весом именно в силу членства ЕС. Это потребует корректировки различных норм, регулирующих представительство в руководящих органах соответствующих организаций, финансовые взносы в эти организации, процедуру голосования и т.п. С другой стороны, вхождение региональных организаций в универсальные позволит последним обрести новую роль в глобальном процессе правотворчества – они смогут стать тем форумом, где обмениваются мнениями различные региональные организации и координируется процесс правотворчества на региональном уровне. Если наш прогноз относительно того, что в будущем международные отношения будут дополнены, а частично и замещены межрегиональными отношениями, верен, тогда срочно потребуется проведение координации между различными региональными организациями.

2. Европейское Сообщество как участник конвенций по унификации права

Каким бы ни был ответ на вопрос о членстве ЕС, оно уже в настоящее время обладает компетенцией влиять и даже блокировать заключение определенных международных договоров государствами-членами. Как уже говорилось выше, самым лучшим способом адекватно ответить на новую ситуацию, было бы разрешить Сообществу ратифицировать эти договоры. С этой целью необходимо включить соответствующие положения в конвенции по унификации права. Такие положения были разработаны более 30 лет назад для международных договоров в таких сферах, как рыболовство, сырьевые товары, мировая торговля, морское право. И уже тогда в этих договорах была при-

знана внешняя компетенция ЕС⁶¹. Последний вариант подобных оговорок отсылает не прямо к ЕС, а к организациям региональной экономической интеграции, которые наделяются законодательной компетенцией в сфере, являющейся предметом соответствующей конвенции. В случае ее ратификации или присоединения к ней региональная организация должна заявить о своей компетенции, которую следует признать при условии, что она не оспаривается государствами – членами этой организации.

И хотя подобного рода оговорки были включены в некоторые конвенции по унификации права⁶², их нельзя считать безоговорочно и повсеместно признанными и рассматривать в качестве общего принципа или обычая, содержащегося в международных конвенциях. Так, ни Конвенция ЮНСИТРАЛ о цессии 2001 г.⁶³, ни Гаагская конвенция 2000 г. о международной защите (прав) совершеннолетних⁶⁴ не допускают участия никаких иных субъектов, кроме государств. Такие пробелы могут быть, правда, восполнены в будущих международных договорах, но их трудно исправить в уже действующих конвенциях. Вполне возможным, хотя и рискованным решением могло бы стать молчаливое одобрение всеми подписавшими их участниками соответствующей декларации о присоединении Европейского Сообщества. Впоследствии практика молчаливого одобрения могла бы привести к фактическому изменению существующей конвенции⁶⁵.

Оговорки о присоединении не решают, тем не менее, всех проблем. Они не улучшают положения региональной организации в ходе переговоров по заключению универсального договора, поскольку наделяют ее правами, которые начинают действовать лишь *после* его принятия, но совсем не обязательно предоставляют ей автоматически возможности голосовать или вносить предложения во время самих переговоров по его подготовке. Более того, новые оговорки о присоединении чреваты риском раздельной ратификации самой региональной организацией и ее государствами-членами. До сих пор Европей-

---

⁶¹ Более подробно см.: J. Basedow, “Die Europaeische Gemeinschaft als Partei von Uebereinkommen des einheitlichen Privatsrechts”, I. Schwenzer (ed) Festschrift fuer Peter Schlechtriem, Mohr-Siebeck (Tuebingen), 2003, sub. III 2.

⁶² См. сноски 46-48.

⁶³ См. UN Doc.A/CN.9/XXXIV/CRP.1/Add.13 of 5 July 2001, Art. 34.

⁶⁴ Воспроизведена в *RabelsZ* 64, 2000, 752.

⁶⁵ См.: Wolfram Karl, *Vertrag und Spaetere Praxis im Voelkerrecht*, Springer (Heidelberg), 1983, 198 seq.

кому Сообществу удавалось избежать такой опасности посредством введения внутренних норм, предусматривающих депонирование ратификационной грамоты Сообществом только после того, как его государства-члены предприняли необходимые меры по применению договора и ратифицировали его⁶⁶.

Еще одна трудность возникает в связи с минимальным количеством ратификаций, необходимых для вступления договора в силу. Само собой разумеется, что его ратификация региональной организацией не может с этой целью добавляться к ратификациям государств-членов. Но предположим, что региональная организация депонирует свою ратификационную грамоту раньше всех своих государств-членов. Может ли в таком случае она учитываться? Можно представить себе и иные сложные ситуации, которые, тем не менее, не могут быть рассмотрены в рамках данной статьи. Совместная рабочая группа международных организаций, занятых разработкой унифицированного международного права, должна, вероятно, более тщательно анализировать такие ситуации.

V. НЕКОТОРЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НА СТАДИИ ПРИНЯТИЯ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ

1. Фактические ситуации внутреннего и международного характера

Если государства и региональные организации являются равноправными участниками конвенции, стирается грань между внутренними и международными фактическими ситуациями. Вряде случаев и цель, и результат региональной экономической интеграции направлены на то, чтобы трансграничные обмены подчинялись единому правовому режиму регулирования, как это имеет место на национальном уровне в каждом из государств-членов. Примером может служить внутренний рынок ЕС, формирование которого вызвало появление многочисленных правовых актов, таких как Регламент об ответственности авиаперевозчиков в случае аварий⁶⁷, не проводящий никакого различия между инцидентами международного и внутреннего характера. Однако применение многих традиционных конвенций по унификации права

---

⁶⁶ См., например, Art. 2 and Recital 4 of Council Decision of 16.3.2000 on the Approval, on behalf of the EC, of the WIPO Copyright Treaty and the WIPO Performances and Programs Treaty, OJEC, 2001. L 89/6.

⁶⁷ См. сноску 49.

предполагает наличие некоего интернационального элемента. Из принципа равноправного участия государств и региональных экономических организаций в конвенции следует, что трансграничные обмены, которые полностью локализованы в пределах территории данной региональной экономической организации, являются внутренним делом стороны – участника соответствующей конвенции и не попадают в сферу ее действия.

Как следствие, на практике сказанное означало бы, что пространственная сфера действия новой Монреальской конвенции о международных авиаперевозках не должна была бы распространяться на рейсы внутри Сообщества, такие как, например, полеты между Римом и Парижем. Во избежание столь нежелательных последствий принцип равноправного участия государств и региональных экономических организаций был прямо исключен из ст. 53 (2) Монреальской конвенции, в которой речь идет о пространственной сфере ее действия⁶⁸. Авторы конвенции тщательно проанализировали каждое положение разрабатываемого ими документа с целью выявления вышеуказанного принципа и ограничили его применение (*purview*) не менее чем 7 исключениями. Иная ситуация с Конвенцией УНИДРУА о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования. Статья 48 (3) этой Конвенции предусматривает равноправное участие государств и региональных экономических организаций, но только «в том случае, если ситуация требует этого»⁶⁹. Не ясно, сможет ли такая гибкая формулировка удовлетворить потребность в точности, которая свойственна праву, регулирующему гарантии сделок, и которая оказала столь явное воздействие на Кейптаунскую конвенцию. Разработчикам международных конвенций можно было бы посоветовать последовать примеру авторов Монреальской конвенции и тщательно анализировать степень равноправного участия государств и региональных организаций.

2. Суды региональных организаций и международные конвенции

Региональные экономические организации обладают собственной институциональной структурой, которая может взаимодействовать с международными конвенциями, ратифицированными этими организациями. Так, например, Суд ЕС неоднократно постановлял, что дого-

⁶⁸ См. сноску 47.

⁶⁹ См. сноску 48.

воры, заключенные Европейским Сообществом с третьими странами или международными организациями, составляют неотъемлемую часть его права⁷⁰. Такие договоры рассматриваются как «акты институтов Сообщества», толкование которых подчиняется юрисдикции Суда (ст. 234 ЕС)⁷¹. Суд также указал, что положения, содержащиеся в международных договорах Сообщества, которые имеют прямое действие, не должны вызывать разных последствий в зависимости от того, какие институты обеспечивают их применение на практике – Сообщества или государств-членов. Суд должен гарантировать их единообразное применение на территории сообщества в целом⁷².

В то время как принятые Судом решения не могут иметь обязательной силы за пределами Сообщества, они, тем не менее, будут иметь значительный вес в третьих странах. Тому есть три причины. Во-первых, отсутствие авторитетного наднационального толкования унифицированного договорного права воспринимается многими судьями как серьезный недостаток. Во-вторых, споры, возникающие в связи с конвенциями, направленными на унификацию частного права, обычно не затрагивают основных национальных интересов; поэтому судьи из третьих стран, скорее, будут готовы последовать европейскому прецеденту, если он базируется на весомых аргументах. В-третьих, многоязычная практика Суда ЕС позволяет судьям из всех стран мира знакомиться с его решениями на том языке, который им понятен.

Поэтому представляется весьма вероятным, что система Суда ЕС будет играть ключевую роль в применении конвенций, направленных на унификацию права, и именно он станет наиболее притягательным для всего мира форумом решения споров по таким конвенциям. Подобная перспектива может обескуражить правовое сообщество некоторых неевропейских стран, которые традиционно отказывались использовать международные механизмы решения споров, побудить их изменить свою позицию и согласиться – в будущих конвенциях – с принятием определенной институциональной структуры, которая позволит давать непредвзятое и наднациональное толкование соответствующих документов.

---

⁷⁰ European Court of Justice, Judgment of 30.04.1974, case 181/73 (Haegeman vs. Belgium), 1974, E.C.R. 449, para 5; Judgment of 26.10.1982, case 104/81 (Hauptzollamt Mainz vs. Kupferberg), 1982, E.C.R. 364, para 13.

⁷¹ См. European Court of Justice, 14.12.2000, joint cases C-300/98 and C-392/98 (Parfums Christian Dior et al.), 2000 E.C.R. I-11307 para 33.

⁷² Para 14 of the Kupferberg opinion, supra note 69.

VI. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. В данной статье рассматриваются эволюционирующие в процессе исторического развития потребности в унификации частного права и выделяются 3 этапа процесса унификации. На первом этапе унификация носила преимущественно региональный характер, хотя и под сенью глобальных амбиций. Коренные изменения произошли после второй мировой войны. Начался подъем подлинного универсализма, который, однако, привел к замедлению процесса унификации. Сейчас мы находимся в начале третьего этапа, который можно было бы назвать зарею «межрегионализма» (inter-regionalism). Он характеризуется появлением в числе участников международных отношений новых «региональных игроков», в частности Европейского Сообщества (ЕС), а также таких интеграционных группировок, как ОХАДА, МЕРКОСУР и др., которые могли бы только выиграть от более эффективной гармонизации права. В то время как потребность в унификации частного права до сих пор очень остро ощущается на региональном уровне, всемирная унификация, которая ранее была своего рода придатком к процессу региональной унификации, все чаще заявляет о себе как о неотложной необходимости. Причиной тому служит увеличение числа конфликтов между региональными и универсальными договорами.

2. В задачу данной статьи входило также проиллюстрировать теоретические выводы конкретными примерами, относящимися к 1-му и 2-му этапам процесса унификации. В ней рассматриваются конфликты между договорами об арбитраже в Южной и Северной Америке, различия в регулировании между Венской конвенцией о договорах международной купли-продажи товаров и единообразным актом ОХАДА по общему торговому праву в Африке, а также конфликты, возникающие между международными конвенциями, такими как, например, Варшавская конвенция 1929 г. об унификации некоторых правил международных авиаперевозок, и правом Сообщества. В статье подчеркивается, что «ускоренные» законодательные процедуры в том виде, в каком они в данное время применяются региональными организациями, не меняют сути конфликтов между региональными и универсальными договорами. Изменения содержательного плана происходят посредством передачи законодательных компетенций региональным организациям, а также в силу наднационального характера регионального права, такого как право Сообщества, и приоритета его права, что объясняет особый характер отношений между правом Сообщества и международными конвенциями.

3. Именно конфликты последнего типа ведут к возникновению некоторых новых проблем, как на стадии разработки и заключения договоров, так и при вынесении судебных решений. Эти проблемы связаны с подъемом межрегионализма, т.е. сосуществованием государств и региональных организаций в качестве действующих участников международных отношений. Автор выступает за общий пересмотр уставов универсальных организаций, занимающихся унификацией права с тем чтобы разрешить полноправное участие в них региональных организаций. Что касается заключения универсального договора, следует рассмотреть вопрос о приеме таких региональных организаций в качестве его полноправного участника. Автор также призывает, с другой стороны, проявлять осторожность, чтобы избежать необдуманного уравнивания государств с региональными организациями, и более тщательно анализировать все относящиеся к данной проблематике вопросы в рамках совместной рабочей группы, создаваемой с этой целью самими универсальными организациями, разрабатывающими унифицированное право.

4. Новые проблемы возникают и на стадии принятия судебных решений. В частности, граница между чисто внутренними и международными фактическими обстоятельствами, которые обычно являются предметом регулирования конвенций по унификации права, размывается и становится весьма условной. И здесь вновь возникает необходимость в детальном анализе принципа равноправного участия государств и региональных организаций в универсальных конвенциях. Более того, существование наднациональных судов на региональном уровне может привести к появлению новых проблем. В то время как Суд ЕС обладает компетенцией толковать международные конвенции, ратифицированные Европейским Сообществом, его решения и мнения не имеют обязательной силы для третьих стран. Тем не менее они могут обладать весомым авторитетом и в других районах мира. Таким образом не настаивая на евроцентристской версии унифицированного права, автор данной статьи выступает за то, чтобы энергично предпринимать новые усилия в поддержку разработки универсальных механизмов или даже – что еще лучше – единого органа, способного обеспечить авторитетное толкование международных договоров, содержащих унифицированное право.